

«Всюду они ставили своей целью
свержение советской власти»: украинская эмиграция
и протестное движение в УССР
в 1920-е – первой половине 1930-х гг.

Статья посвящена анализу влияния, которое оказывала украинская политическая эмиграция в странах Европы на протестное движение в УССР в 1920-е – первой половине 1930-х гг. В статье рассмотрена позиция руководства УССР и СССР относительно роли эмиграции в формировании и работе «контрреволюционного подполья». Исследуется поддержка, оказываемая государственными структурами Польши и Румынии украинской эмиграции в ее антисоветской деятельности. Кроме того, автор предполагает, что на планы эмиграции относительно свержения советской власти в УССР оказывали значительное влияние политические элиты Франции, Великобритании и Германии и в этом контексте анализирует деятельность подпольных антисоветских организаций в советской Украине и подготовку «общеукраинского восстания» 1921 г.

Ключевые слова: УССР, эмиграция, восстание, интервенция, контрреволюционная организация.

Выступая перед секретарями ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г., Лев Троцкий начал свою речь удовлетворенным замечанием: «Теперь боевых фронтов у нас больше нет: сводки говорят об охране заводов, железных дорог и т. п. Как ни отрадно сознавать, что войны уже нет, но мы не имеем права убаюкивать себя надеждой, что передышка будет длительной. Мы мира не нарушим, но неизвестно, когда и с кем нам еще придется драться. Опыт, успехи и ошибки научили нас быть терпеливыми»¹.

Передышка действительно была короткой. В 1920–1930-е гг. большевикам пришлось бороться с проблемами «так называемого бандитизма, деятельности антисоветских партий, организаций и группировок»². Одним из наиболее беспокойных регионов оказалась Украинская Советская Социалистическая Республика.

УССР пришла на смену Украинской Народной Республике (далее – УНР), распад которой вызвал массовую эмиграцию противников советской власти. Подавляющее большинство эмигрантов осело в странах Европы. Они не были едины по своим политическим взглядам, по-разному видели будущее Украины, но в одном были единодушны – в стремлении свергнуть большевиков. Экс-глава Директории УНР С.В. Петлюра писал: «Вся украинская эмиграция оказалась за пределами своего Отечества потому, что не захотела оставаться под врагом, который... подмял под себя нашу Украину. Этим врагом является Москва с ее нынешним большевистским правительством и поставленное им так называемое “правительство Советской Украины”... Украинская эмиграция является органичной, интегральной частью всего украинского народа, который пребывает под чуждой властью. Политические идеи, культурно-образовательные и организационные усилия, направленные на создание собственного государства украинской нации, должны насквозь пронизать украинскую эмиграцию, которая в особых условиях пребывания на чужбине, большей частью в европейских странах, обязана выполнять здесь ответственную часть общенациональной и общегосударственной программы украинской нации... которую не может выполнять наш народ, находящийся под властью оккупантов...»³.

Документы ВЧК–ГПУ–ОГПУ свидетельствуют: в 1920-е гг. Украина продолжала оставаться очагом «контрреволюции», средоточием «обломков разных контрреволюционных организаций и партий», объектом притязаний «различных интервенционистских штабов»⁴, деятельность которых находилась «в непосредственной связи и под непосредственным руководством агентов Антанты и Польши»⁵. В роли этих агентов выступала украинская политическая эмиграция в Польше и Румынии, которую в советских документах того времени именовали «петлюровской эмиграцией».

Эмигранты полагали, что можно выбить советскую власть из УССР, организовав там «всеукраинское восстание», и в 1921 г. приступили к реализации этого плана. В польском Тарнове был создан Партизанско-Повстанческий штаб (Український партизансько-повстанський штаб, далее – УППШ) во главе с генерал-хорунжим Ю.О. Тютюнником. УППШ отвечал за формирование на территории УССР партизанских отрядов и повстанческих организаций, инструктаж их представителей и связей, разведку и т. п.⁶ Чуть позже был создан Высший Военный Совет (Вища Військова Рада, далее – ВВР) во главе с генералом Н.Л. Юнаковым. Он должен был разрабатывать военные планы. УППШ и ВВР действовали

под покровительством военного министра Польши К. Сосновского и при поддержке Генерального штаба Войска Польского⁷.

Два штаба создали и в Румынии: один действовал в Бендерах при румынском военном штабе, другой – в Кишиневе. Кишиневский штаб главного военного уполномоченного «украинского народного правительства» при румынском правительстве атамана А.А. Гулыя-Гуленко получал директивы непосредственно от Петлюры⁸. Румынские же военные, как и их польские коллеги, помогали повстанцам разрабатывать планы вторжения и снабжали их всем необходимым⁹. Особое внимание уделялось плану прорыва к Одессе, захват которой облегчил бы контакты с Великобританией и Францией, проявлявшими живейший интерес к предстоящей операции¹⁰.

Подготовка к восстанию велась почти открыто. С зимы 1921 г. польская и русская эмигрантская пресса открыто сообщали о том, что «за рекой Збруч идут приготовления к восстанию, во главе которого должен стать Петлюра»¹¹. Да и органы внутренних дел УССР регулярно получали сведения о том, что «военщина» Румынии и Польши надеется «использовать петлюровских бандитов для захвата Украины»¹². На польско-украинской границе фиксировалась активность неизвестных вооруженных групп¹³, через нелегальные пограничные посты («постерунки») поступали литература и оружие¹⁴.

Республиканские органы безопасности констатировали, что практически вся территория УССР покрыта «густой сетью подпольных петлюровских организаций, подчиненных Центральному повстанческому, а через него “Партизанско-повстанческому штабу” и польской контрразведке. Всюду они ставили своей целью свержение советской власти»¹⁵. На деле советская Украина была разбита на 22 района, в каждом из которых действовали «повстанческие комитеты» (повстанкомы), ответственные за пропаганду и подготовку к выступлению «на местах» и подчиняющиеся «Всеукраинскому центральному повстанческому комитету» (Центрповстанкому).

В течение 1921 года нарком иностранных дел РСФСР В.Г. Чичерин и нарком по иностранным делам УССР Х.Г. Раковский неоднократно пытались добиться от Польши и Румынии пресечения антисоветской деятельности эмиграции¹⁶. Но Варшава и Бухарест категорически отвергали свою причастность к происходящему в УССР, и власти советской Украины принялись в одиночку ликвидировать засевшее в стране «петлюровское подполье».

Это заставило эмиграцию ускорить подготовку восстания. Однако время было упущено – к октябрю 1921 г., когда польско-

украинскую границу стали переходить первые небольшие отряды петлюровцев, значительная часть повстанкомов уже была разгромлена. Это лишило повстанцев необходимой поддержки и в значительной мере обусловило их разгром. «Ноябрьский рейд», когда в УССР вторглись три группы войск – Бессарабская, Подольская и Волынская, быстро захлебнулся, а уцелевшие бойцы с трудом пробивались обратно на территорию Румынии и Польши (при этом «отступлении» brave солдаты генерала Тютюнника ограбили несколько польских поместий¹⁷). И хотя органы внутренних дел УССР до середины 1920-х гг. были вынуждены держать под особым контролем польскую границу, через которую в Украину продолжали проникать небольшие банды¹⁸, было ясно, что интервенция не удалась. Очевидны были и причины. Население УССР, уставшее от войн, вяло отреагировало на авантюру эмиграции. Собранные ею военные силы значительно уступали советским и количественно, и качественно. Наконец, негативную роль сыграли раздиравшие эмиграцию разногласия и осторожная позиция Румынии и Польши.

Фиаско заставило эмиграцию пересмотреть планы. С.В. Петлюра провозгласил новой задачей преодоление разногласий, выработку общего плана борьбы и объединение ради нее «воли всех украинских патриотов»¹⁹. Таким образом, угроза, исходившая от украинской эмиграции, не исчезла, но видоизменилась.

И власти СССР небезосновательно подозревали, что теперь ставка будет сделана на разложение советского общества изнутри, на повсеместное внедрение «врагов» ради подготовки почвы для новой интервенции. Сам собой напрашивался вывод, что внутренние враги – это в первую очередь лица, связанные в прошлом с УНР, которые действительно зачастую относились к советской власти неприязненно²⁰. Недаром в начале 1920-х гг. власти Украины серьезно задумывались о массовой депортации «буржуазной» интеллигенции. Правда, решились выслать из страны только 70 человек – массовая высылка была признана политически опасной мерой²¹. Но это заставило украинскую интеллигенцию вести себя более лояльно (по словам второго секретаря ЦК КП(б)У Д.З. Лебеда, «служить и не рассуждать»²²).

Однако уже в январе 1922 г. на фоне нового осложнения внешнеполитической конъюнктуры Политбюро ЦК КП(б) приняло решение о начале нового витка «борьбы с правыми группировками в среде украинской интеллигенции»²³. Однако напряжение не спало. Летом того же года Ф.Э. Дзержинский доложил И.В. Сталину о новой подготовке Польши и Румынии «к военному нападению на нас с целью отделить от СССР Белоруссию и Украину» и о том,

что эта подготовка уже вызвала активизацию «всех белогвардейцев в лимитрофах», включая украинскую эмиграцию²⁴.

Информацию Дзержинского подтвердили антисоветские акты 1927 г., подготовленные эмигрантами. Наложившись на хозяйственный кризис в СССР, они вызвали панические ожидания военной интервенции и лихорадочные поиски тайных врагов, результатом которых стали политические процессы над участниками «Союза освобождения Украины» (Спілки визволення України, далее – СВУ) и «Украинского национального центра» (Український національний центр, далее – УНЦ).

По данным следствия, СВУ был создан в 1926 г. для подготовки восстания и создания нового украинского государства под германским протекторатом. Тесно связанный с монархическим гетманским движением, с германскими военными кругами и с Правительством УНР в эмиграции²⁵, Союз создал в УССР целую сеть своих филиалов. Кроме того, в его составе было 9 секций и особое молодежно-террористическое подразделение. Основными центрами деятельности Союза были признаны Всеукраинская академия наук (далее – ВУАН) и Украинская автокефальная православная церковь. Руководил же СВУ академик ВУАН С.А. Ефремов, занимавший в Генеральном секретариате УНР должность генерального секретаря межнациональных дел.

В 1929 г. по делу СВУ было арестовано 474 человека, в подавляющем большинстве – представители интеллигенции. В ходе процесса, который проходил 9 марта – 19 апреля 1930 г. в Харькове, 45 подсудимых были признаны виновными в намерении реставрировать в УССР капиталистический строй при помощи Польши и Германии. Е.А. Ефремов и трое его «соратников» были приговорены к смертной казни, которую заменили 10 годами лишения свободы и 5 годами поражения в правах. Остальные получили от 3 до 8 лет лишения свободы либо условные сроки.

Жестокость приговора была обусловлена тем, что в это время в УССР, которая была охвачена крестьянскими волнениями, вызванными коллективизацией, ходили упорные слухи о возможности советско-польского конфликта. Власти боялись, что эти беспорядки могут перерасти в восстание и сомкнуться с интервенцией.

Такой политический фон, а также многочисленные грубые нарушения советского законодательства, допущенные в ходе процесса, впоследствии дали повод сомневаться, существовал ли СВУ в реальности. Сейчас это трудно установить. Однако нельзя не отметить, что в 1926–1928 гг. действительно наблюдалась активизация эмигрантского правительства УНР, причем министр иностранных дел Р. Смаль-Стоцкий располагал данными о работе на тер-

ритории УССР разведывательной сети с центром в Киеве²⁶, опорой которой «являются Церковь, кооперативные общества и Академия наук»²⁷ и действует которая под патронажем 2-го отдела Генштаба Польши.

Вызывает сомнения и дело УНЦ, которое расследовалось в 1931–1932 гг. Обвинения, предъявленные фигурантам этого процесса (а только в УССР по делу УНЦ было арестовано 3400 человек), во многом повторяли уже звучавшие во время расследования по делу СВУ. Центр был объявлен контрреволюционной шпионско-террористической организацией, готовившей восстание и интервенцию в УССР при поддержке эмиграции, а также германских, польских и французских военных²⁸. По данным следствия, УНЦ создал повстанческие ячейки в 13 районах УССР, а также филиалы – в Москве и Ленинграде, в Белоруссии, в Крыму, Средней Азии и Закавказье²⁹.

Несмотря на тяжесть обвинений и закрытый характер процесса, осужденные были наказаны мягко: руководитель УНЦ – бывший председатель Центральной рады УНР, академик ВУАН М.С. Грушевский не понес никакого наказания, а его «подчиненных» приговорили к заключению на срок от 3 до 6 лет.

Эти два процесса ознаменовали начало войны, которую советские власти объявили не только украинской эмиграции, но и «украинскому национализму в исторической ретроспективе»³⁰. Выявляя и ликвидируя действительные и мнимые контрреволюционные организации, подвергая суду их участников, власти УССР судили не столько конкретных лиц, причастных к власти, армии, культуре УНР, сколько все старые украинские «националистические партии, их предательскую политику, их подлые идеи буржуазной самостийности, незалежности України»³¹.

Однако вскоре под каток репрессий стали попадать и те, кто не имел никакого отношения ни к УНР, ни к эмиграции, ибо понятие «украинский национализм», да еще и «в исторической ретроспективе», допускало самые разные толкования. Любой мог быть обвинен в создании благоприятных условий для деятельности «петлюровцев, махновцев, агентов иностранных разведок», а с 1933 г. – и членов Организации украинских националистов (ОУН), действовавшей в Галиции. Советская власть не скупилась на обвинения в причастности к диверсиям, саботажу и вредительству³², в том, что «на деньги заграничных охранок» очередные контрреволюционеры пытаются «оторвать Украину от Советского Союза, загнать украинских рабочих и трудовое крестьянство назад в рабство» и даже «заморить голодом, истребить сотни тысяч и миллионы трудящихся Украины»³³.

Симптоматично, что в судах эти страшные обвинения, как правило, заменялись другими, более правдивыми – например в том, что подсудимые «на момент привлечения их к уголовной ответственности имели устойчивые политические взгляды и убеждения, сложившиеся в процессе долгих лет политической, научно-просветительской и культурной деятельности, критически относились к отдельным сторонам общественной жизни и мероприятиям Советской власти, между собой открыто обсуждали недостатки в социалистическом строительстве»³⁴.

В конечном итоге в годы террора даже патриотизм украинцев приобрел оттенок крамолы. Однако трагедия «расстрелянного возрождения» – уничтожения интеллигенции УССР, трагедия «большого террора» не должна влиять на оценку деятельности украинских эмигрантов и тех, кто ими руководил. В 1920-е – первой половине 1930-х гг. эмиграция постоянно присутствовала в политической жизни советской Украины как реальная угроза ее мирному существованию, как организатор и участник протестного движения в стране, как претендент на верховную власть. И к своей цели она шла с упорством машины, запрограммированной на борьбу и равнодушной к методам ее ведения и выбору союзников, то есть была достойным противником машины советской репрессивной.

Однако основная опасность украинской эмиграции заключалась в другом – в том, что она позиционировала себя в качестве удаленного локуса формирования государства и нации, фактически – альтернативной Украины. В Европе существовали правительственные структуры УНР в эмиграции, сложились многочисленные научные, образовательные, культурные организации диаспоры, которые работали на создание определенного имиджа украинцев – народа, у которого большевики украли государство – и украинской эмиграции – как освободителя Украины от захватчиков. Этот имидж пережил и большевиков, и эмиграцию, укоренившись в украинской государственно-политической традиции, и является ключевым архетипом современной украинской политики и украинского социума.

- ¹ *Троцкий Л.* Сочинения Т. 17. Ч. 2. М.; Л., 1926. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl821.htm> (дата обращения: 17.07.2016).
- ² *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.): По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Прометей, 2012. С. 8.
- ³ *Петлюра С.В.* Сучасна українська еміграція та її завдання [Электронный ресурс] / Симон Петлюра: Статті і документи. URL: <http://www.ukrcenter.com/Література/Симон-Петлюра/20193-1/Сучасна-українська-еміграція-та-її-завдання> (дата обращения: 06.06.2016).
- ⁴ *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 19; *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Западное Приграничье: Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М.: Алгоритм, 2014. С. 514.
- ⁵ *Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1986. С. 157–158.
- ⁶ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Главное архивное управление Министерства внутренних дел СССР. Справка о петлюровских подпольных организациях на Украине. 1921–1922 гг. Л. 6.
- ⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. С. 21.
- ⁸ Советско-румынские отношения: 1917–1941: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1917–1934. Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Румынии. М.: Международные отношения, 2000. С. 124–125.
- ⁹ *Плазова Т.І.* Розвідувальний відділ Українського Партизансько-Повстанського штабу // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: Держава та армія. 2010. С. 126–130; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. Апрель 1921 – май 1926 г. М.: Изд-во «Наука», 1966. С. 25, 106–107.
- ¹⁰ *Єпик Л.І. Листи І. Мазепи до К. Мацієвича (1919–1920 рр.)* // Сумський історико-архівний журнал. № 18–19. 2012. С. 15; *Плазова Т.І.* Указ. соч. С. 25, 106–107; *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 28.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 1046: Вырезки из русских и эмигрантских газет о деятельности Петлюры и его организации: 1921–1922. Л. 19, 26.
- ¹² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Л. 1, 17.
- ¹³ *Мельтохов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Изд-во «Вече», 2001. С. 21–22; *Громыко А.А., Хвостов В.М.* Документы внешней политики СССР, 1921. М.: Политическая литература, 1960. С. 542–543.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 12–13, 15.
- ¹⁶ Советско-румынские отношения 1917–1941... С. 81, 96; Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 18.

- ¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 1046. Л. 27.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Л. 16, 25; Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 335.
- ¹⁹ *Петлюра С.В.* Невідомі листи з Парижа. Київ: Українська видавнича спілка, 2001. С. 11.
- ²⁰ Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти: Январь 1922 – декабрь 1936 г. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 32.
- ²¹ Там же. С. 71.
- ²² Цит. по: *Марчуков А.В.* Политические настроения интеллигенции. С. 225. [Электронный ресурс] URL: <https://history.wikireading.ru/372646> (дата обращения: 01.12.2017).
- ²³ *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Справа «Спілки Визволення України»: невідомі документи і факти: Науково-документальне видання. Київ: Інтел, 1995. С. 24.
- ²⁴ Лубянка... С. 118.
- ²⁵ *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Указ. соч. С. 68.
- ²⁶ Там же. С. 527–528.
- ²⁷ Там же. С. 528.
- ²⁸ *Дьяков Ю.Л., Колоднікова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 83.
- ²⁹ Там же. С. 88–89.
- ³⁰ *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 453.
- ³¹ *Дьяков Ю.Л., Колоднікова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 453.
- ³² Там же. С. 458.
- ³³ Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 461.
- ³⁴ *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Указ. соч. С. 400.